

Власть библиометрических иллюзий над ленивыми, профанация плодотворных идей и проклятье «парабиблиометрической» оценки науки¹

В. С. Лазарев

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: vslazarev@bntu.by

Резюме: Автор полагает, что извращения в современной практике оценки науки происходят, в частности, **по вине библиометристов**, проявивших небрежность и лень по отношению к трактовкам индикаторов, по отношению к самому понятийному аппарату и по отношению к терминологии в целом. Чиновник, все это по-своему замечающий и ни во что не вникающий, «убеждается» в «простоте», «очевидности» и «однозначности» библиометрической «диагностики». Отсюда возникают **«библиометрические иллюзии»**, следствием которых оказываются как порочные библиометрические практики применения индикаторов не по назначению, так и библиометрические подтасовки уже на стадии оформления / редактирования / оценки подаваемых в печать статей. Многие мировые журналы ищут теперь не «качественные статьи», а «статьи, которые не понизят импакт-фактор» – безотносительно к тому, какова оценка научного качества статьи. Как результат, происходит **профанация** самой библиометрии. Средство оценки, никогда не претендовавшее на исключительность своего статуса, невольно превращается в репрессивный инструмент с максимальной претензией на истинность оценок. При этом отсутствует понимание, что спрогнозировать «достижение» какой-то величины библиометрических показателей в принципе *невозможно*. Применение библиометрических показателей *не* по назначению автоматически делает оценку **«парабиблиометрической»**². Сила этих тенденций напоминает **проклятье!**

Ключевые слова: библиометрия, оценка эффективности научной деятельности, ошибки, упрощения, вульгаризация

Для цитирования: Лазарев В. С. Власть библиометрических иллюзий над ленивыми, профанация плодотворных идей и проклятье «парабиблиометрической» оценки науки. *Научный редактор и издатель*. 2019;4(1–2):12–20. DOI: [10.24069/2542-0267-2019-1-2-12-20](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-1-2-12-20).

The power of bibliometric illusions over the lazy, the profanation of fruitful ideas and the curse of parabibliometric evaluation of science

V. S. Lazarev

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
e-mail: vslazarev@bntu.by

Abstract: I believe that perversion in modern practice of the evaluation of our scientific performance happen by **fault of us, bibliometricians**, too, as bibliometricians were negligent and laze about the interpretation of indicators, about conceptions (e.g., “altmetrics,” a term that is devoid of attempts to reflect the nature of the “discipline”); the use of the term “metric” instead of “indicator” as a sign of overvalued diagnostic

¹ Статья подготовлена на основе доклада автора, прочитанного на 8-й Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня – 2019: стратегия и тактика управления и развития», 23–26 апреля 2019 г., НИТУ «МИСиС», Москва. Презентация доклада представлена на сайте конференции https://conf.rasep.ru/files/conferences/1/materials/2019.04.24_Sec2_Lazarev0001.pdf. Видеозапись доклада выложена на youtube (см. канал АНРИ по адресу <https://www.youtube.com/watch?v=RfYnaYwlnUA>).

² «Парабиблиометрическая» оценка – термин автора, означающий применение библиометрических показателей не по назначению.

ambitions) and about terminology (e.g., the use of the terms “value” and “quality”, “usefulness” and “influence” as full synonyms). A bureaucrat–noticing all this in his own way and going into no details – comes to believe in “simplicity”, “obviousness” and “unicity” of bibliometric “diagnostics”. The consequence is “**bibliometric illusions**”. E.g. 1) “everything can be measured with one number!” (The result is *Hirschmania* at the level of planetary psychosis. The Hirsch index acquired the status of a sacred cow among bureaucrats and of a Procrustean bed among scientists – at the same time.); 2) “the conclusions are obvious” (E.g. if the journal is not sufficiently cited, “it is necessary to oblige its authors to give appropriate references in each article”. And if the average good article of the natural science profile has at least 10 references, then this “should be a mandatory minimum norm”. Some of the world’s journals arbitrarily intervene in the structure of citations in the articles they receive! But forcedly falsified references are neither a means of information coupling, nor a bibliometric indicator.); 3) “if the bibliometric indicators adequately reflect the quality of the scientific product, it is necessary to oblige scientists to produce not a scientific product, but the corresponding values of indicators” (Many world’s journals are now looking not for “quality articles”, but for “articles that will not lower our impact factor”. Some methodological features might be mistaken for a consequence of “specific Belarusian (Ukrainian, etc.) conditions”, which “is fraught with the fall of our impact factor.”) As a result, there occurs a **profanation** of bibliometrics itself. This means of evaluation (which has never claimed the exclusivity of its status!) unwittingly turns into a repressive tool with a maximum claim to the truth of the estimates. At the same time, there is no understanding that it is impossible in principle to predict the reach of a certain value of bibliometric indicators. The use of bibliometric indicators not for their intended purposes automatically makes the evaluation *parabibliometric*. The power of these trends resembles a **curse!**

Keywords: bibliometrics, evaluation of scientific performance, mistakes, oversimplification

For citation: Lazarev V. S. The power of bibliometric illusions over the lazy, the profanation of fruitful ideas and the curse of parabibliometric evaluation of science. *Nauchnyi Redaktor i Izdatel' = Science Editor and Publisher*. 2019;4(1–2):12–20. (In Russ.) DOI: 10.24069/2542-0267-2019-1-2-12-20.

Введение

Нельзя исключить, что, что определенный произвол в современной практике оценки нашей науки происходит **и по вине нас, библиометристов**, что выражается в небрежности и лени по отношению к трактовкам индикаторов, по отношению к самому понятийному аппарату, а также по отношению к прочей терминологии, в частности, касающейся свойств, отображаемых библиометрическими индикаторами. Например, «альтметрика» как понятие – обозначение, лишённое попытки отразить содержание дисциплины; употребление термина «метрика» вместо «индикатор» – признак завышенных диагностических претензий. Здесь же следует упомянуть об ошибочном употреблении терминов «ценность» и «качество», «полезность» и «влияние» как полных синонимов.

Чиновник, все это по-своему замечающий, но неизбежно не имеющий необходимой квалификации, которая позволила бы ему вникнуть в детали, ошибочно «убеждается» в якобы имеющих место «простоте», «очевидности» и «однозначности» библиометрической «диагностики». Он приходит к выводу, что «вклад», «влияние», «воздействие», «значимость», «полезность», «ценность» – это все одно, что разбираться, для каких

целей исходно предлагались общедоступные показатели, – ни к чему...

Отсюда – «**библиометрические иллюзии**». Примеры таковых: 1) «одной цифрой можно измерить все!!!»; следствие – «хиршемания» на уровне планетарного психоза: «индекс Хирша» приобрел статус священной коровы чиновников и прокрустова ложа ученых одновременно; 2) «выводы очевидны» – в результате: если журнал недостаточно цитируется, «надо обязать его авторов давать ссылки на него в каждой статье», если средняя статья естественнонаучного профиля содержит не менее 10 ссылок, то это «должно стать обязательной минимальной *нормой*». Некоторые мировые журналы также произвольно вмешиваются в структуру цитирования в получаемых ими рукописях, вынужденные ссылки-фальсификаты уже не средство информационных связей и не библиометрический индикатор; 3) «если библиометрические показатели адекватно отражают качество научного продукта, нужно обязать ученых производить не научный продукт, а соответствующие значения показателей». В результате многие мировые журналы ищут теперь не «качественные статьи», а «статьи, которые не понизят импакт-фактор». Методические особенности порой с опаской принимаются за следствие «спец-

ифических локальных (белорусских, российских, украинских и т. п.) условий», что «чревато падением импакт-фактора». Сила этих тенденций наминает **проклятье!**

Автор этих строк – старый библиометрист, первые ученические публикации которого относятся к 1979 г. (например, [1]), то есть человек, который может восприниматься как в какой-то степени ответственный за те «библиометрические извращения», которыми сопровождается современная оценка научной деятельности. Но вышло так, что он более пятнадцати лет прожил без своей любимой деятельности, а когда в 2016 г. состоялось его возвращение в профессию, многие перемены, произошедшие в ней за это время, он воспринял с ужасом.

Первое, что бросилось в глаза, – это «поточная» практика библиометрических (или «парабиблиометрических») оценок эффективности научных коллективов и специалистов, причем, выполняемая *либо при участии самих оцениваемых, либо вообще их руками*. В 70-80-е гг. XX в. библиометрические оценки эффективности научных коллективов выполнялись лишь время от времени, что, конечно, достойно сожаления, но *зато* оценки выполнялись именно *специалистами в области библиометрии* – без ведома и, конечно же, без участия самих оцениваемых. Следует заметить, что привлечение оцениваемых к процедуре оценки уже чревато этическими проблемами... Заметим, что в п. 5 замечательного документа под названием «Библиометрия во благо российской науки» (<https://rasep.ru/sovet-po-etike/bibliometriya-vo-bлаго-rossijskoj-nauki>), подготовленного Советом по этике научных публикаций АНРИ, содержится такая фраза: «Библиометрические показатели следует поручать рассчитывать профессионалам, а не собирать с самих субъектов оценки в рамках самообследования».

Кроме того, что оценка часто проводится сомнительным путем, у этой оценки появилось еще и новое назначение, которое вполне можно назвать попросту «репрессивным». По словам такого авторитетного специалиста, как профессор В. М. Тютюнник, «в руках чиновников от науки термины «цитируемость», «импакт-фактор», «рейтинг» <...> и т. п. заиграли в качестве инструментов давления на научное сообщество и искажения общепринятой ранее в науке реальности» [2, с. 5].

Все это прекрасно известно, но получилось так, что я оказался «вброшенным» в эту ситуацию как с невольным свежим взглядом, так и со своим библиометрическим прошлым. Это и обеспечило

собственное видение современных «библиометрических извращений» при оценке науки. В нем – и комплекс своеобразной «профессиональной вины», и способность усмотреть изначально библиометрические (а не привнесенные в библиометрию извне) причины извращенной оценки. Библиометрическая подготовка, здравый смысл и свежий взгляд наблюдателя – вот и вся методическая основа данной работы...

Есть ли вина библиометристов?

Есть ли в создавшемся положении вина самих библиометристов? Небрежность в отношении к понятийному аппарату, к употребляемой терминологии, к интерпретации полученных данных были в какой-то степени свойственны библиометрии всегда, но в последнее время, на мой взгляд, ситуация лишь ухудшилась. Примеры – на поверхности. Конечно, сомнительные термины существовали всегда, но все же появление новых терминопотреблений шло в русле традиции: в термин закладывалась попытка **отобразить сущность** отображаемого явления. В самом деле, а как же иначе?!

Терминология

Оказалось, что «иначе» – не только можно, но и модно... К примеру, что означает термин «альтметрика»? Если «библиометрия» – это буквально «книгоизмерение», а интерпретационно – «документоизмерение», то «альтметрика» – это «измерение другого» (?!). Термин с таким значением нельзя признать полноценным термином! Его конкретность не превышает конкретность такого, с позволения сказать, термина, как «новая волна»... Но ведь и в методическом арсенале «альтметрики» нет ничего принципиально нового, а то, что «измерение»⁵ осуществляется применительно к интернет-среде, отнюдь не отменяет того факта, что объектом оценки по-прежнему остаются документы, их элементы-признаки, и упорядоченные совокупности... Но если при этом по-прежнему пользоваться термином «библиометрия», то труднее претендовать на новизну! Тогда придется изучать труды предшественников и признавать несоразмерность многих своих притязаний... И вот уже в русле «альтметрики» возникает якобы «новый» взгляд на то, что изучение читательской поисковой активности, направленной на ознакомление с научны-

⁵ Точнее, «количественное оценивание»: в таком термине есть указание на опосредованность оценки, на использование показателей, лишь косвенно отображающих оцениваемое явление [3].

ми документами и получение их копий, якобы «лучше» отражает использование документов, нежели анализ цитируемости. «Лучше», поскольку выявление происходит *быстрее*, и документов отображается *больше*. При этом забывается, что «*больше*» не значит «*точнее*», что однократно полученный документ может впоследствии многократно использоваться в различных исследованиях и многократно цитироваться [4; 5], а многократное разыскание одного и того же документа может быть вызвано лишь рассеянностью пользователя. Что сохранение документа вовсе не предполагает его обязательного прочтения; что ознакомление с документом часто завершается «вердиктом» – «мне это не нужно», – а считаться оно будет использованием! Главное, что все это обсуждалось еще в 70-е и 80-е гг. XX в., когда возникли утверждения о том, что анализ заказов литературы по межбиблиотечному абонементу (МБА) лучше отражает ее использование, нежели цитируемость (см., например, [6; 7]). Сегодня Web of Science предлагает подписчикам данные показателя, называемого «показателем использования» (“usage count”), который реально отражает загрузки полного текста или сохранения библиографического описания публикации. Хотя, казалось бы, преемники Юджина Гарфилда должны понимать, что лучше отображает использование: загрузки и сохранения или цитируемость. Я сравнил бы сохранение библиографического описания публикации с ощущением «еда вкусно пахнет», загрузку полного текста – с помещением вкусно пахнущего блюда в холодильник, а цитируемость – не просто с его съедением (с ним уместно сравнить прочтение), а с применением конкретных набранных от данного блюда калорий в конкретном деле. И где же в этом ряду примеров лучше отражается использование?! Ответ очевиден...

Отмечают, что, по некоторым данным, «72 % респондентов – специалистов по библиометрии – считают число загрузок наиболее ценным показателем» [8, с. 812]. Что такое «ценный показатель», знают авторы цитируемой статьи, но не автор этих строк. Быть может, имелся в виду «адекватный»? Но что автор этих строк точно знает, так это то, что он также всегда загружает статью, когда ее реферат или объективно плох, или субъективно непонятен. А потом, после просмотра, такие статьи, как правило, приходится удалять. И все это следует считать использованием?!

Сейчас на полном серьезе уважаемые люди предлагают заменить термин “altmetrics” термином “addmetrics” [8, с. 818], то есть вместо «из-

мерения другого» говорить об «измерении в дополнение»... Экспозиция терминологических курьезов – применительно к серьезнейшим вещам – растет как на дрожжах!

Вслед за «альтметрикой» появляются такие «термины», как «хиршеметрия» [9] – буквально это значит «измерение Хирша». Не «измерение с помощью индекса Хирша» и даже не «измерение с помощью Хирша». А именно «измерение Хирша». Как легко, оказывается, можно создать новую «метрию» – даже Хиршем быть не надо.

За годы моего отсутствия в профессии также появился и вошел в широкое употребление термин «метрика». Раньше обозначаемый им объект именовался «индикатором» (по-русски: «показателем»), а вот теперь это – «метрика». Как следствие переименования, у индикатора, названного «метрикой», автоматически возрастают «диагностические», оценочные претензии!.. А чиновник смотрит на все это и думает: «О, как же все это легко! Придумал, как сложить две цифры, и уже «создал метрику». И эта «метрика» и все объяснит, и поможет честно распределить гранты. Это стоит использовать!»

Гротеск? На первый взгляд, – злейший, но соответствующие действия научной бюрократии можно порой объяснить либо вызванным такими курьезами оптимистическим недомыслием, либо... злым умыслом.

При столь *приблизительном* отношении к терминологии среди *самых* специалистов по библиометрии чего же мы хотим от «библиометрически прозревших» или «библиометрически инфицированных» чиновников от науки?! Убежден: безответственное отношение к терминологии порождает безответственность как в трактовках результатов, так и в планировании исследований.

Понимание сути индикаторов и отображаемых ими свойств

Небрежность и лень проявляются в библиометрии и по отношению к пониманию сути основных индикаторов и отображаемых ими свойств. Например, практикуется выведение определения (понимание) оцениваемого свойства из применяемого для его оценки индикатора (понимание на основании анализа индикатора) вместо поиска индикатора, соответствующего *объективно существующему* свойству. В замечательном документе «Библиометрия во благо российской науки» записано: «Сначала четкое описание того, что хочется измерить, затем выбор наилучших метрик, а не наоборот» (<https://>

rusep.ru/sovet-po-etike/bibliometriya-vo-blago-rossijskoj-nauki). Но – «наоборот» бывает слишком часто, отнюдь не только в России и не только в СНГ... Цитируемый документ адресован лицам, проводящим прикладные исследования, «диагностику»; но эта же проблема касается и ряда теоретиков... Практикуется и бездумное «попугайниченье» в трактовках оцениваемых свойств: так, можно говорить о том, что цитируемость отображает *качество* цитируемого документа как о *выводе из (неверной) нормативной теории цитирования*, но нельзя бездумно повторять «цитируемость отображает качество» (статьи с подобными утверждениями регулярно появляются в журнале *Scientometrics*), ни на чем вообще не основываясь, не заглянув в словарные определения «качества» и не рассмотрев сущностных характеристик цитируемости! Нельзя, потому что это неверно. Однако это практикуется, потому что так принято, потому что это утверждение содержалось во многих работах, признанных классическими (см., например, [10]). Термины «ценность» и «качество», «полезность» и «влияние» слишком часто используются как полные синонимы (см. пример [11, с. 109–110] и его трактовку [12, с. 4]). Еще пример: многие мои коллеги уже давно и «крепко» договорились до «измерения» *продуктивности* научных коллективов на основании данных об их цитируемости. (Последний известный автору пример: [8, с. 814]). При этом термину приписывается новое для него значение, но исходное определение этого свойства, данное Брэдфордом [13], – забыто. Помилуйте, коллеги, термин уже занят, да он вам и не нужен, так как речь в таких работах всегда идет об *эффективности и/или качестве* научной работы.

Как все это преломляется в сознании Чиновника?

Как все это преломляется в сознании чиновника? Карикатурно, упрощенно говоря, – чиновник, все вышеизложенное по-своему заметивший, и ни во что не вникнувший, делает свой вывод: «Все так просто! И все – так очевидно. И вникать ни во что не надо. Вклад, влияние, воздействие, значимость, полезность, ценность – ведь это все одно. Какие сейчас показатели самые популярные, импакт-фактор и индекс Хирша? – Их и задействуем. Поскольку все – одно, разбираться, для каких целей исходно они были предложены, нам ни к чему, да и недосуг...»

Стоит ли удивляться, что по импакт-фактору журналов судят о «вкладе» *отдельных* публикаций, а с помощью индекса Хирша определяют

«прогресс», сделанный научно-исследовательской организацией *в течение года*?! Второе – *абсолютно* бессмысленно, поскольку в силу своей природы индекс Хирша «не может уменьшаться с течением времени... – и ученый может уже много лет находиться на пенсии и не писать научных трудов, однако h-индекс его будет не меньше, чем он был на пике карьеры» [14, с. 103–104]. Точно так же университет может занимать высокое место за счет прошлых научных достижений, а в текущее время не иметь в штате активных авторов-ученых. Нами получены и эмпирические данные, свидетельствующие о том, что при активизации работы университетских ученых в недавний период времени индекс Хирша полностью непригоден для оценки текущего состояния научной деятельности университетов [15]. В исследовании речь шла о конкретных белорусских и украинских практиках применения традиционного «кумулятивного» индекса Хирша для текущей оценки деятельности организаций за конкретный год. Кстати, мы, авторы [15], получили как-то рецензию на статью из заслуженно уважаемого и высокоцитируемого американского профессионального журнала, в которой рецензент искренне недоумевал, почему так плох для авторов индекс Хирша как средство *оперативной* оценки научных организаций – без каких либо оговорок о возможностях его модификации с учетом лишь недавних публикаций⁴. И это вопрос библиометриста!? Остается лишь догадываться, как такой вопрос был вообще возможен.

Неприглядная ситуация складывается в последние годы и вокруг импакт-фактора. С одной стороны, плодятся «смелые» публикации о том, как импакт-фактор плох для оценки того, *для оценки чего он никогда и не был предназначен!* Крайним примером является непристойная заметка в «Nature» о том, что импакт-фактор следует похоронить «вслед» за Юджином Гарфилдом [16]. А то, что он используется не по назначению, – с этим, кажется, все давно смирились...

⁴ Вообще индекс Хирша – показатель как минимум подозрительный. Ведь если «первый ученый написал <...> 10 статей, каждая из которых цитируется 10 раз», а «второй ученый <...> написал 10 статей, каждая из которых цитируется 100 раз, и 100 статей, каждая из которых цитируется 10 раз», то «индексы Хирша первого и второго ученого одинаковы и равны 10. При этом суммарная цитируемость этих ученых отличается в 20 раз в пользу второго ученого» (http://eqworld.ipmnet.ru/ru/info/sci-edu/Polyanin_IndexH_2014.html).

«Библиометрические иллюзии» ленивых

В результате возникло то, что я называю «библиометрическими» иллюзиями ленивых.

Иллюзия 1: Одной цифрой можно измерить ВСЕ!!!

Первую иллюзию я обозначил бы приблизительно так: «одной цифрой можно измерить все!». Говоря «научнее», речь идет о страстном желании иметь один простой индикатор на все случаи жизни... это желание и вывело, в частности, «хиршеманию» на уровень планетарного психоза. Но «индекс Хирша», предложенный неспециалистом в непрофильном для наукометрии научном журнале, – это красивый *справочный вспомогательный* показатель... Однако, благодаря его «удобству», «наглядности» и «универсальности» в глазах чиновников, он приобрел статус священной коровы чиновников и прокрустова ложа ученых одновременно.

Иллюзия 2: «Очевидность» выводов, следующих из библиометрических реалий

Еще одна иллюзия касается «очевидности» выводов, следующих из библиометрических реалий. Вот образцы некоторых «очевидных» выводов из библиометрии, делаемых даже не бюрократами от науки, а такими почтенными функционерами, как, скажем, редакторы научных журналов: «если журнал недостаточно цитируется, надо обязать его авторов давать на него не менее трех ссылок в каждой следующей статье журнала»; «если средняя научная статья естественнонаучного профиля, как установлено, имеет не менее десяти ссылок, значит мой журнал не примет ни одной статьи, где ссылок меньше десяти!». Примеры эти реальны: один взят из индийского журнала (не самого плохого!); второй – *наша* каждодневная реальность. Причем со второй ситуацией все мы свыклись настолько, что за извращение ее и не почитаем. А между тем, ссылки, которые автор делает вынужденно (а не после доработки статьи по замечаниям рецензента о недостаточной доказательной базе или пропуске важных предыдущих исследований), уже не могут отражать информационные связи между работами: «вынужденная» ссылка может быть «притянута за уши». И тогда она – не что иное, как фальсификат. Библиометрическим индикатором она будет в лучшем случае – сомнительным, в худшем – ложным.

Журналы порой борются с «неуместным» самоцитированием, определив «квоту уместности» равной 20–30 %. Да, чисто *эстетически* большее

количество самоцитирований выглядит порой не очень красиво. Но они могут быть абсолютно необходимы! А если статья методическая, более того, – посвященная созданию и применению метода, тогда они и неизбежны... И ради соблюдения «квоты» автор вынужден либо накручивать ненужные ссылки, либо сокращать необходимые собственные. И то и другое – разрушение такой функции библиографических ссылок, как отражение информационных связей в науке. Какая уж тут научная этика... А ведь все начиналось с благих, с этической точки зрения, намерений: не допустить неправомерного самоцитирования. Но на неправомерность тех или иных ссылок должен, на наш взгляд, указывать рецензент (равно, как и на пропуск в статье указания на важные предыдущие работы других ученых), а механически принятая квота – это еще одно прокрустово ложе...

В «деланье очевидных выводов» редакторы научных журналов доходят порой до полного абсурда. Некоторые мировые журналы гораздо более произвольно вмешиваются в структуру цитирования в получаемых ими статьях, нежели просто устанавливают квоты! Вот убийственный пример: мы с украинским коллегой подали в журнал «Nature» заметку о недопустимости такого вмешательства. В результате заметка была опубликована [17], но в ней редактор *заменял* сделанные нами ссылки на свою собственную – более новую. Мы вообще не читали работу, которую мы якобы процитировали! «Процитировали» в заметке о недопустимости редакторского вмешательства в структуру цитирования. И это – практика не какого-то провинциального «Вестника...», а «Nature», который многими считается лучшим журналом в мире! Сохранится ли хоть минимум достоверности в наукометрических выводах, сделанных на основании таких ссылок?! В борьбе за «чистоту библиометрии» такой «умный» (именно, в кавычках) редактор библиометрию *уничтожает*. Очень мягко это можно назвать *профанацией*.

Но чем была вызвана наша заметка в «Nature»? Еще одним вмешательством в структуру библиографических ссылок: наша статья, поданная в американский журнал (имеющий заслуженно высокую репутацию и высокий уровень цитируемости) получила рецензию, в которой содержалось требование заменить русскоязычные ссылки на англоязычные. Объективно – это уже мошенничество, искусственная накрутка репутации западным коллегам и усечение репутации русскоязычных авторов. Субъективно –

рецензент явно «хотел как лучше»: он указывал на то, что цитируемые работы их читателем неизвестны, а «мы не можем проверить, верно ли сделаны ссылки». И мы проглотили бы это требование, – тем более, что научный снобизм приятно щекочит собственные иноязычные ссылки. Но в разряд «неизвестных авторов» у рецензента попала Ирина Владимировна Маршакова, автор прорывного метода анализа «ко-цитирования» [18], который используется при построении «карт науки» в Институте научной информации (ISI) США и, соответственно, в базах данных Web of Science, – а это уже тот уровень невежества, который применительно к редактору профильного журнала можно считать клиническим... В результате статью нам пришлось печатать в Румынии в более чем скромном журнале.

Иллюзия 3: Нужно обязать ученых производить продукт, дающий высокое значение показателей

Следующую «иллюзию ленивого ума» я сформулировал бы так: «Если библиометрические показатели столь удобно и адекватно отражают качество научного продукта, нужно обязать ученых производить не научный продукт, а соответствующие значения показателей». По-моему, так и рассуждает чиновник от науки; по-моему, саму эту формулировку я где-то уже видел в чужих публикациях... Но самое ужасное – это то, что многие лучшие мировые журналы ищут теперь не «качественные статьи», а «интересные истории». В лучшем случае. А то и прямо: «статьи, которые не понизят наш импакт-фактор». Мой достаточно печальный публикационный опыт в англоязычных журналах после возвращения в библиометрию показал, что многие признаки методической новизны редакторы с опаской принимают за вынужденные модификации, вызванные «специфическими локальными (белорусскими, украинскими и т. д.) условиями». И доказать, что это не так, удается отнюдь не всегда. Отчего такая настороженность, – как раз понятно: специфически белорусское или украинское читаться будет плохо, цитироваться может и вовсе никак, вот импакт-фактор и упадет... Содержание же статьи остается при этом «за кадром».

Иллюзия 4: «Больше» значит «лучше»

Иллюзия жива непосредственно в сознании ряда моих коллег; причем так же было и в 70-е гг. прошлого века. Что здесь имеется в виду? Например, то, что многие мои коллеги считают, что картина многочисленных попыток «дотянуться»

в Интернете до каких-либо конкретных статей *лучше* отражает их использование, чем их цитируемость. «Лучше» просто потому, что отражается больше «актов читательской деятельности»: запросов, загрузок, закладок, открывания документа онлайн и т. п. Но ведь при таком учете мы ничего реально не знаем даже о самом чтении документов, не говоря уже об использовании предполагаемо прочитанного в научной работе. Однако это как-то моих коллег – апологетов оценки использования по поисковой деятельности в интернете – не смущает. Хотя никто из них и не был замечен в утверждениях, что многократное обнюхивание тарелки с пельменями насыщает «пользователя пельменей» лучше, чем однократное их съедание.

Над кем давит «власть библиометрических иллюзий»

Итак, «власть библиометрических иллюзий над ленивыми» осуществляется и на уровне самих библиометристов, и на уровне больших чиновников от науки, и на уровне редакторов научных журналов. Что касается первых, то борьба с методиками, основанными на отсутствии здравого смысла, – это, конечно, наша, библиометристов, внутренняя проблема. Что касается вторых, то результатом этой власти является навязывание применения библиометрических индикаторов не по назначению: импакт-фактор журнала применяется для оценки отдельных статей, а то и творческой состоятельности ученого; индекс Хирша, который по определению уменьшаться не может, а по своей природе дает оценку *кумулятивную*, – для *ежегодной* оценки эффективности научной деятельности *организаций*: Что же касается третьих, то произвольное вторжение в структуру библиографических ссылок, даже на самом «мягком» уровне, лишает смысла всю последующую библиометрическую оценку, основанную на «подкорректированных» ссылках, лишает ее основы.

Может быть, самое ужасное в складывающейся ситуации – это то, как недостаточное знание и понимание библиометрических индикаторов оказывает искажающее влияние на публикационную деятельность *самих авторов научных статей* и осуществляемую ими практику цитирования. В работе [19] сообщается о таких замеченных (и названных самими интервьюируемыми исследователями) неадекватных изменениях в публикационной активности авторов, как выбор «горячих» (а не интересных самим авторам) тем для публикации, а также

использование пресловутой публикационной модели «нарезания салями» [19, р. 4]. Что же до практики цитирования, искажаемой «полузнанием» о библиометрических индикаторах оценки научной деятельности, то отмечены случаи цитирования «нужных» работ *без их прочтения* цитирующим автором [19, р. 5]. К тому же это «полузнание» лишает исследователей и стимула к рецензированию научных работ (как деятельности, не приносящей, в отличие от публикационной, какого-либо признания), что в целом приводит к падению скорости рецензирования статей [19, р. 4–5].

Как общее следствие, происходит **профанация** самой библиометрии. Библиометрия как средство оценки (никогда не претендовавшее на исключительность своего статуса!) превращается к тому же в репрессивный инструмент с максимальной претензией на истинность оценок.

При этом у чиновников отсутствует понимание, что спрогнозировать «достижение» какой-то величины библиометрических показателей цитируемости в принципе *невозможно*. И хотя качество будущих публикаций, поддающееся априорной оценке, может совпадать с их ценностью, оцениваемой *a posteriori*, через использование (что и отображается в цитируемости), это верно лишь в отношении «мейнстримных» работ. Причем не всех. Причем *не ими* определяется научный прогресс. Следовательно, чем «лучше» мы сможем прогнозировать будущую цитируемость публикаций на выходе работ из «портфеля ученого», тем меньше действительно незаурядных работ будет в оцениваемой выборке.

Вынужденно прогнозируя свои будущие «достижения в производстве библиометрических индикаторов», ученые выполняют заведомо бессмысленную работу, «из-под палки» вкладывая в нее свой артистизм. Здесь система может почти неизбежно провоцировать явную ложь, сопровождающуюся потерей *самоуважения* – об уважении к оценочной системе лучше и вовсе промолчать. Что же остается ученому? Проклинать

библиометрическую и парабиблиометрическую оценку, тех «умников», что ее придумали и сетовать о том, что сама наша наука оказывается «под проклятием»?

Так что же делать?

Мое знакомство с деятельностью Совета по этике АНРИ не дает оснований предлагать что-то принципиально новое в дополнение к его деятельности. Такие документы, как обращение «Библиометрия во благо российской науки» (<https://rasep.ru/sovet-po-etike/bibliometriya-vo-blogo-rossijskoj-nauki>) и декларация «Этические принципы научных публикаций» (<https://rasep.ru/sovet-po-etike/deklaratsiya>) – превосходны. Даже упоминание в п. 23 «Принципов» об «избыточном самоцитировании» не вызывает возражений: ведь там не сказано, что журналы должны «механически» устанавливать жесткую квоту. Убежден, что рецензент и редактор способны определить такую избыточность безо всяких квот: и одна ссылка может быть избыточной, и дюжина – может быть по делу!

В вопросах применения библиометрических индикаторов кричаще востребована *нужда в здравом смысле*. Здесь больше нашей, библиометристов, ответственности. В документах Совета все в порядке. В воспитание здравого смысла силами Совета просится широкое использование масс-медиа (готовы ли к этому медийные каналы?), Интернета (его, похоже, боятся больше, чем полиция; читают чаще, чем книги; и имеют меньше иммунитета к обличениям, передаваемым именно по Интернету, чем к каким-либо иным).

Статьи по вопросам этики, лежащие на сайте АНРИ (<https://rasep.ru/sovet-po-etike/stati-po-voprosam-etiki>), превосходны. Наш совет этому Совету очевиден: собирать остальные, делать подобие базы данных, делиться этими статьями. Ну, и в силу общности наших проблем с проблемами зарубежных коллег следует развивать в этом деле международное сотрудничество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лазарев В. С., Николайчик В. В. Распределение информации по вопросам гематологии в научных журналах. В: *Современные аспекты гематологии*. Минск: Наука и техника; 1979. С. 128–133.
2. Тютюнник В. М. Предисловие научного редактора. В: Лазарев В. С. «Цитируемость нобелевского класса» и понятия, выражающие характеристики и свойства цитируемых научных документов. Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Гамбург; Стокгольм; Буаке: Нобелистика; 2018. С. 4–6. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/327574829_Nobel_class_citedness_level_and_the_notions_that_designate_characteristics_and_properties_of_cited_scientific_documents_Citruemost_nobelevskogo_klassa_i_ponatia_vyrazausie_harakteristiki_i_svojtva_c [Дата обращения: 15 мая 2019 г.].

3. Мотылев В. М. Проблемы количественных исследований в библиотечном деле. В: Соколов А. В. (ред.) *Проблемы технического перевооружения библиотек*. Л.: Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской; 1983. С. 55–69.
4. Лазарев В. С. Учет заказов на копии статей в информационной работе (отклик на статью У.И.Б. Онуиг-бо). *Международный форум по информации и документации*. 1986;11(2):40–41.
5. Лазарев В. С. Обращения читателей к научным периодическим изданиям как показатель тематической направленности изданий. В: Киселев А. А. (ред.) *Методологические проблемы медицинской информатики и науковедения*. М.; 1989. С. 173–186.
6. Scales P. A. Citation analysis as indicator of the use of serials: A comparison of ranked titles produced by citation counting and the use data. *Journal of Documentation*. 1976;32(1):17–25. DOI: [10.1108/eb0266112](https://doi.org/10.1108/eb0266112).
7. Dhawan S. M., Phull S. K., Jain P. Documentation notes: Selection of scientific journals: a model. *Journal of Documentation*. 1980;36(1):26–41. DOI: [10.1108/eb026689](https://doi.org/10.1108/eb026689).
8. Маркусова В. А., Минели Л. Э., Богоров В. Г., Либкинд А. Н. Показатель альтметрики как один из индикаторов научного влияния публикации. *Вестник Российской академии наук*. 2018;88(9):811–818. DOI: [10.31857/S086958730001694-1](https://doi.org/10.31857/S086958730001694-1).
9. Глухов В. В., Михайлова Т. И., Михайлов О. В. «Хиршеметрия» научных учреждений Казани: позиции ФГБОУ ВПО «КНИТУ». *Вестник Казанского технологического университета*. 2015;(2):345–348.
10. Cole S., Cole J. R. Scientific output and recognition: a study in the operation of the reward system in science. *American Sociological Review*. 1967;32(3):377–390.
11. Бредихин С. В., Кузнецов А. Ю., Щербакова Н. Г. *Анализ цитирования в библиометрии*. Новосибирск: ИВМиМГ СО РАН; НЭИКОН; 2013.
12. Лазарев В. С. Научные документы и их упорядоченное совокупности: цитируемость, использование, ценность. *Международный форум по информации*. 2017;42(1):3–16.
13. Bradford S.C. Sources of information on specific subjects. *Engineering*. 1934;137(3550):85–86.
14. Акоев М. А., Маркусова В. А., Москалева О. В., Писляков В. В. *Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 2014.
15. Лазарев В. С., Назаровец С. А., Скалабан А. В. Формирование комплекса библиометрических показателей для оценки университетов Беларуси и Украины. *Наука и инновации*. 2017;(6):63–67.
16. Roberts R. J. An obituary for the impact factor. *Nature*. 2017;546:600. DOI: [10.1038/546600e](https://doi.org/10.1038/546600e).
17. Lazarev V. S., Nazarovets S. A. Don't dismiss non-English citations. *Nature*. 2018;556:174. DOI: [10.1038/d41586-018-04169-2](https://doi.org/10.1038/d41586-018-04169-2).
18. Маршакова И. В. Система связей между документами, построенная на основе ссылок: по данным Science Citation Index. *Научно-техническая информация. Сер. 2*. 1973;(6): 3–8.
19. Ma L., Ladisch M. Evaluation complacency or evaluation inertia? A study of evaluative metrics and research practices in Irish universities. *Research Evaluation*. 2019;rvz008. DOI: [10.1093/reseval/rvz008](https://doi.org/10.1093/reseval/rvz008).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лазарев Владимир Станиславович, ведущий библиограф Научной библиотеки, Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь; ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0387-4515>; e-mail: vslazarev@bntu.by.

Vladimir S. Lazarev, Leading Bibliographer of the Scientific Library, Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus; ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0387-4515>; e-mail: vslazarev@bntu.by.